

Богданова О. В. Потенциальная энергия претекста : структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 206—233. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2023). Potential Energy of Pretext: Structural and Compositional Features of “Isaac and Abraham” by Joseph Brodsky. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 206-233. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-206-233

Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского

Богданова Ольга Владимировна *

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательская лаборатория перспективных проектов в образовании,

* *корреспондирующий автор*

olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна

orcid.org/0000-0003-0516-2773

соискатель,

кафедра русской литературы
bysinka27@mail.ru

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке гранта

Российского научного фонда № 22-28-01671 (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского)

Potential Energy of Pretext: Structural and Compositional Features of “Isaac and Abraham” by Joseph Brodsky

Olga V. Bogdanova *

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor,
Research Laboratory

for Advanced Projects in Education,

* *Corresponding author*

olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova

orcid.org/0000-0003-0516-2773

degree seeker,

Department of Russian Literature
bysinka27@mail.ru

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation project № 22-28-01671 (Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предложена интерпретация хорошо известного, но редко привлекаемого для целостного анализа произведения И. Бродского «Исаак и Авраам». Если традиционно текст Бродского рассматривается как поэтическое переложение ветхозаветной истории на современный лад, то авторами предложен иной ракурс текстовосприятия — свободные размышления лирического субъекта, героя современного, над древним священным текстом. В результате претензии критиков относительно «хаотичности» и «перегруженности» текста Бродского оказываются снятыми, в противовес продемонстрирована стройность и глубина размышлений лирического субъекта, современного героя-поэта. В ходе анализа уточнена жанровая квалификация «Исаака и Авраама» — не как поэмы (традиционная точка зрения), но «большого стихотворения» (автопрезентация И. Бродского). Предложены расшифровки «сложных» мест стихотворения — образов куста, доски, поезда и др., как представлялось критикам, искусственно привнесенных Бродским в текст и нарушающих цельность произведения. Утверждается, что стихотворение «Исаак и Авраам» явилось не переложением Библии, но попыткой взрослеющего Бродского из сегодняшнего дня осмыслить сакральный текст и на его основе постичь себя, проникнуть в темное прошлое с целью яснее увидеть настоящее.

Ключевые слова:

Иосиф Бродский; Исаак и Авраам; композиционное единство; образная цельность; символическо-метафорический ряд; ракурс восприятия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An interpretation of the well-known, but rarely used for a holistic analysis of the work of I. Brodsky “Isaac and Abraham” is proposed in the article. If Brodsky’s text is traditionally viewed as a poetic retelling of the Old Testament history in a modern way, then the authors propose a different perspective of textual perception — free reflections of a lyrical subject, a modern hero, over an ancient sacred text. As a result, the claims of critics regarding the “chaotic” and “congested” Brodsky’s text are removed, in contrast, the harmony and depth of reflection of the lyrical subject, the modern hero-poet, are demonstrated. In the course of the analysis, the genre qualification of “Isaac and Abraham” was clarified — not as a poem (the traditional point of view), but as a “great poem” (I. Brodsky’s auto-presentation). Deciphering of the “difficult” places of the poem — images of a bush, a board, a train, etc., as it seemed to critics, was artificially introduced by Brodsky into the text and violated the integrity of the work. It is argued that the poem “Isaac and Abraham” was not a transcription of the Bible, but an attempt by the maturing Brodsky from today to comprehend the sacred text and on its basis comprehend himself, penetrate into the dark past in order to see the present more clearly.

Key words:

Joseph Brodsky; Isaac and Abraham; compositional unity; figurative integrity; symbolic-metaphorical series; perspective of perception.

Потенциальная энергия претекста: структурно-композиционные особенности «Исаака и Авраама» Иосифа Бродского

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Своеобразие поэзии Иосифа Бродского уже на самом раннем этапе его творчества составляет та особенность, что, будучи еще совсем молодым человеком и по существу только начинающим поэтом, он обращался к таким тематическим пластам художественной реальности и затрагивал такие проблемы жизненно-философского плана, что уже в 1960-е годы это ставило его в ряд самых зрелых и опытных художников, современников и предшественников. Начиная с самых первых стихов Бродский обнаруживает не только огромный поэтический дар, но и колоссальный философский потенциал, обращаясь к осмыслению «вечных» вопросов, над которыми тысячелетиями билась человеческая мысль. Таковыми были и 1962—1963 годы в жизни и творчестве Бродского, когда он написал по мотивам ветхозаветной истории одно из своих самых известных «больших стихотворений» — «Исаак и Авраам» (1963).

Авторитетные бродсковеды Л. Лосев и В. Полухина, как и многие другие исследователи, в жанровом отношении квалифицируют «Исаака и Авраама» как поэму. Между тем сам поэт в интервью С. Волкову пояснял: «<...> это на самом деле не поэм[а], а длинные стихи...» [Волков, 2000, с. 35]. И комментировал: «Повествовательная поэзия дает представление о масштабе вещей. Она гораздо ближе к жизни, чем короткое лирическое стихотворение. <...> Надо привыкнуть читать сюжетную поэзию, пусть это и не прекрасный маленький шедевр, который можно прочесть быстро и легко. Чтение поэзии — это борьба, как и все в жизни» [Волков, 2000, с. 36].

Будем держаться определения автора и отнесемся к «Исааку и Аврааму» как к «длинному» стихотворению, как к образцу «сюжетной» или «повествовательной» поэзии. Отметим: важен не термин, а принцип развертывания стихотворного повествования, реализованный Бродским (о характере нарративного строения речь пойдет ниже).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Согласно признанию Бродского, он обратился к сакральным темам, мотивам и образам сразу после первого знакомства с Библией. В «Книге интервью» В. Полухина приводит слова поэта: «Помню, что я написал Исаака и Авраама буквально через несколько дней после того, как прочел Книгу Бытия» [Бродский, 2011, с. 13]. В составленной ею же книге «Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха» работу над текстом «Исаака и Авраама» В. Полухина относит к маю 1963 года: «Май — работает над поэмой “Исаак и Авраам”» [Полухина, 2008, с. 74].

Между тем израильский исследователь З. Копельман в работе о возможном прочтении стихотворения Бродского «Исаак и Авраам» высказала предположение: «Как кажется, стихотворение написано в 1962 г.» [Копельман, 2015, с. 237]. И хотя на текстологическую работу составителей собрания сочинений Бродского принято полагаться (в издании 1998 года стихотворение датировано 1963 годом), однако сомнения на этот счет действительно возникают.

Первое знакомство с Библией Бродский относит к зиме 1961—1962 годов. В. Полухина сообщает: «Зима [начало зимы 1962 г.] — снимает комнату на улице Воинова» — и следом приводит слова поэта: «...Лежа в этой комнате на Воинова, которую я снимал, я читал одновременно Данте и Библию...» [Полухина, 2008, с. 61]. Таким образом, если, согласно Бродскому, он «буквально через несколько дней после прочтения...» приступил к творческому осмыслению библейских текстов, то отнести начало работы над «Исааком и Авраамом» действительно следует не к 1963, но к 1962 году.

Если опереться и на мнение Л. Лосева, который ссылается на свидетельство Н. Горбаневской («О том, как Бродский в мае 1963 года работал над “Исааком и Авраамом” <...>» [Горбаневская, 1996, с. 16]) и упоминает об уже «*лежавшем в черновиках* “Исааке и Аврааме”» [Лосев, 2008, с. 137], то можно предположить, что в основном текст поэмы к маю 1963 года действительно был уже готов, и Бродский дорабатывал его.

Сам же поэт в интервью американскому слависту Д. Бетеа, вспоминая то время, говорил: «Я написал “Исаака и Авраама” в 1962-м, кажется...», см.: [Беркович, 2003].

Однако, как бы то ни было, более важный и сложный вопрос составляет содержательный пласт «большого стихотворения», относительно которого Бродский признавался: «<...> прочитал “Ветхий и Новый Завет” <...> я решил: “Это мой мир”. Я сказал себе: “Какой бы высокой ни оказалась материя, мне от нее никуда не деться”. Поэтому, написав “Исаака и Авраама”, я не совсем понимал, о чем пытаюсь сказать. Мне просто нравилась

эта история, она была жутко интересной, и я решил описать ее» (см.: [Беркович, 2003]).

«Непонятым» было стихотворение для самого Бродского, не понятым оно остается и современными исследователями, каждый из которых избирает некий локальный ракурс анализа, оставляя без внимания цельный и глубинный смысл текста.

Исследователь Л. Альтмарк утверждает: «Как правило, стихи Бродского и так достаточно велики, многословны и требуют достаточного читательского труда для их прочтения и осмысления. Но... большое стихотворение? “Исаак и Авраам” — стихотворение или поэма? <...> Сразу признаюсь, что такого беспомощного и бессвязного текста, тиражируемого солидными и уважаемыми издательствами, я ещё не встречал <...> невнятица <...> нагнетания какого-то непонятого грядущего ужаса <...> всё это статично и неподвижно <...>» [Альтмарк, 2015].

З. Копельман, предлагая собственное прочтение стихотворения «Исаак и Авраам», ориентируется исключительно на намерение «познакомить читателя с возможной интерпретацией еврейской темы в раннем сочинении Бродского» и проводит текстуальные сопоставления «Исаака и Авраама» с историей, изложенной в Танахе (Быт. / Берешит, 22: 1—13), еврейской Библии [Копельман, 2015, с. 235].

Предначертанье трагической исторической судьбы еврейства увидел в «Исааке и Аврааме» и израильский исследователь З. Бар-Селла. С точки зрения критика, Бродский, осмысляя в «Исааке и Аврааме» судьбу еврейского народа, «понял свою собственную»: «Бог заключал с евреями не договор, Бог вынес им приговор. И Бродский проделал со своим народом весь путь, до самой смерти. <...> После [“Исаака и Авраама”] у Бродского было два пути: перестать жить или перестать быть поэтом. Он нашел третий: перестал быть еврейским поэтом» [Бар-Селла, 1985, с. 213].

Отдельных поэтологических ракурсов «большого стихотворения» Бродского «Исаак и Авраам» касались исследователи Л. Лосев [Лосев, 2008], В. Полухина [Полухина, 2009], И. Плеханова [Плеханова, 2002], А. Ранчин [Ранчин, 1997], О. Лекманов [Лекманов, 2022], К. Верхейл [Верхейл, 2022], Д. Бетеа [Betea, 1994], Г. Кружков [Кружков, 2022], Р. Измайлов [Измайлов, 2008], Е. Мищенко [Мищенко, 2008] и др. К суждениям этих и других литературоведов прибегнем в ходе последующего анализа, однако повторим: цельное исследование «Исаака и Авраама» до сих пор не предпринималось.

Для проведения намеченного исследования используются следующие методы: прежде всего метод целостного анализа художественного текста, а также типологический и поэтологический методы — в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, осуществленный в статье, от-

крывает новые грани творческого своеобразия «большого стихотворения» «Исаак и Авраам» и позволяет обнаружить новые грани поэтического текста Бродского.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ветхозаветный претекст и его проекция в современность

Название «большого стихотворения» Бродского «Исаак и Авраам» непосредственно указывает на претекст, послуживший ориентиром поэта, — на ветхозаветную историю «Жертвоприношения Исаака Авраамом», зафиксированную в книге «Бытие» (Быт. 22: 1—19). По утверждению известного философа и историка культуры С. С. Аверинцева, «трагическая кульминация А. [Авраама] как “друга Божьего” — испытание его веры» [Аверинцев, 1990, с. 15], когда престарелый Авраам покоряется воле Всевышнего и готов принести в жертву своего долгожданного и любимого сына Исаака, единственного законного наследника, надежду на продолжение рода. Готовность Авраама следовать воле Бога, по С. С. Аверинцеву, — пример абсолютной веры, акт безраздельной преданности и покорности, эталон беспредельной любви, проявленной смертным к Творцу.

История Авраама, первого патриарха Израиля, прародителя (через Исаака) двенадцати колен израилевых, стоит в центре книги Бытия. Между тем Бродский в истории высокого жертвоприношения из двух героев-патриархов выводит на передний план не отца-жертвователя Авраама, а сына-жертву Исаака, тем самым смещая ракурс философско-поэтического осмысления, из пространства Божеской веры и преданности перевода его в сферу драматической (трагической?) судьбы жертвы.

Как следствие возникают вопросы: зачем, с какой целью Бродский скорректировал акценты? что привлекало поэта в судьбе Исаака? каким образом древняя история обрела проекцию в современность?

Бродский, молодой автор, не задавался подобными вопросами, но в более поздних интервью пояснил: «Сама по себе идея проверки <...> мне была не по душе, она идет вразрез с моими принципами. Если Он всевидящ, к чему проверки? Мне просто нравилась сама история, не ахти какая по смыслу и всё-таки великая...», см.: [Беркович, 2003].

Писавшие об «Исааке и Аврааме» уже обращали внимание, что Бродский *осовременивает* сюжетную канву ветхозаветной истории. Одни спрашивают: «но... легитимно ли это?» [Альтмарк, 2015], другие, исходя из наличия «современных вставок», указывают на многочастную (прошлое / современность) композицию произведения. Так, З. Копельман выделяет в стихотворении два сюжета: «сюжет о древности» и «сюжет из нового времени», в каждом из которых «звучат два голоса, есть два действующих

лица» [Копельман, 2015, с. 235]. По мнению исследователя, «смена времени отражена в звучании имен, <...> фонетика служит маркером эпохи, а значит, и сюжета»: «В древности это Исаак и Авраам, а в двадцатом веке в России, как объясняет поэт, библейские имена изменились: имя Исаак превратилось в Исак <...>, а имя Авраам — в Абрам» [Копельман, 2015, с. 235]. В представлении З. Копельман, «два одновременных сюжета разбиты на части и перетасованы, <...> истории рассказываются вперемешку», в итоге композиция стихотворения складывается из трех частей древнего и трех частей современного сюжета, между которыми критик видит «четыре отступления», которые квалифицирует как «медитации Бродского» [Копельман, 2015, с. 235].

В наблюдениях З. Копельман есть резонные основания, однако, на наш взгляд, столь дробной композиции в «большом стихотворении» Бродского нет, текст целен и соорганизован. «Перетасовки» и «перемешки», с нашей точки зрения, искусственно привнесены в текст критиком. Если следовать логике З. Копельман, то мы должны будем указать на структурные особенности иного поэтического образования, чем стихотворение, и считать «Исаака и Авраама» поэмой. Однако Бродский настаивал — «большое стихотворение». Апелляция к особенностям именно этого жанрового образования и определит вектор наших дальнейших рассуждений.

3.2. Структурно-композиционные особенности «большого стихотворения»

В обращении к тексту «Исаака и Авраама» прежде всего привлекает внимание поэтическая дедикация — посвящение *М. Б.* Не связанное с любовной тематикой, стихотворение сразу обретает отсвет субъективированного и лиризованного повествования, а сюжетная нить древней истории затекстово привязывается к современности — стихотворный текст (вне зависимости от его содержания) оказывается вплетенным в события настоящего. Наличие посвящения словно бы указывает на присутствие внетекстового лица (*М. Б.*, Марины Басмановой), которому и адресован рассказ, с кем и «обсуждается» древняя «великая история».

Зачин стихотворения в точности соответствует дедикации — поэт не переходит на высокий стиль библейского повествования, который мог бы быть эксплуатирован, если бы задачей безличного повествователя было «описание» (*Л. Альтмарк*) ветхозаветного сюжета. Скорее наоборот, Бродский начинает нарратив с раздумий о языке, о производительной трансформации имен Исаак / Исак и Авраам / Абрам. По сути поэт предлагает «народную этимологию», точнее собственную этимологию ветхозаветных имен, открыто и нескрываяемо приближая героев и изложение древней истории к современности.

Напомним, нечто подобное с именем Божиим в начале XX века проделал А. Блок в поэме «Двенадцать», когда имя *Иисус* прозвучало в простонародной, приближенной к событиям времени огласовке *Исус* — «В белом венчике из роз / Впереди Исус Христос...» [Блок, 1999, с. 12]. В начале 1960-х годов, погруженный в филологические штудии (посещая занятия на филологическом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ), участвуя в заседаниях литературного общества (ЛИТО), тесно общаясь с филологами, влюбляясь в студентку филфака), Бродский фоново мог учитывать и блоковский опыт.

Бродский-поэт не пересказывает историю Авраама и Исаака, не предпринимает «перевод» древней истории на современный язык — герой-повествователь *размышляет* над историей Исаака и Авраама.

Начиная повествование, лирический герой словно бы вспоминает ветхозаветный текст:

«Идем, Исак. Чего ты встал? Идем».
«Сейчас иду». — Ответ средь веток мокрых
ныряет под ночным густым дождем,
как быстрый плот — туда, где гаснет окрик [Бродский, 1998, с. 252].

Он будто «цитирует» библейскую историю и тут же оставляет исторический сюжет, обращаясь к собственным размышлениям по поводу «проецированного» (в частности, звукового образа имени).

Приведенные в кавычках слова героев, их прямая речь — лаконичны, сдержанны, ветхозаветно скупы. Бродский достаточно точно воспроизводит стилистику, краткость и дробность библеистического изложения, диалогических конструкций священного текста.

<...> Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я (Быт. 22: 1).

Однако вслед за тем в стилизованном, казалось бы, тексте Бродского неожиданно появляется пейзажная зарисовка и вольно-многословные представления об обстановке, в которой могли пребывать библейские герои. При этом обратим внимание: Бродский графически словно бы выделяет цитату, отделяя ее от последующего текста, порождая визуальное представление о некоем источнике, над которым и задумывается его лирический персонаж. Между «цитатой» из Библии и размышлениями героя-повествователя введен межстрочный разделительный пробел.

Раздумья о форме имени Исаака следуют после пробела:

По-русски Исаак теряет звук.
Ни тень его, ни дух (стрела в излете)
не ропшут против буквы вместо двух
в пустых устах (в его последней плоти).
Другой здесь нет — пойдй ищи-свищи.
И этой также — капли, крошки, малость.
Исак вообще огарок той свечи,
что всеми Исааком прежде звалась.
И звук вернуть возможно — лишь крича:
«Исак! Исак!» — и это справа, слева:
«Исак! Исак!» — и в тот же миг свеча
колеблет ствол, и пламя рвется к небу [Бродский, 1998, с. 252].

Сухость и краткость библейского изложения сменяется пространными размышлениями лирического повествователя, окрашенными поэтической образностью («свеча», «огарок свечи»), устойчивыми фразеологическими оборотами («стрела в излете», «пойди ищи-свищи», «последняя плоть») и даже результатами мысленного эксперимента («звук вернуть возможно — лишь крича...»). Неканоническая этимология имени, предложенная повествователем Бродского, не имеет ничего общего с древнееврейской (*Ицхак* — букв. «он будет смеяться» [Тихонов, 1995, с. 196]). Очевидно, что поэт далеко отходит от Пятикнижия, сразу позволяя понять, что он не связывает сюжет стихотворения с непосредственным содержанием Библии, скорее с ее осмыслением.

В сходной манере демонстрируются и размышления героя-повествователя об имени Авраам, заметим, тоже отделенных пробелом от «цитат», сопоставимых с текстом первоисточника.

Совсем иное дело — Авраам.
Холмы, кусты, врагов, друзей составить
В одну толпу, кладбища, ветки, храм —
и всех потом к нему воззвать заставить —
ответа им не будет. Будто слух
от мозга заслонился стенкой красной
с тех пор, как он утратил гласный звук
и странно изменился шум согласной.
От сих потерь он, вместо града стрел,
в ответ им шлет молчанье горла, мозга.
Здесь не свеча — здесь целый куст сгорел.
Пук хвороста. К чему здесь ведра воска? [Бродский, 1998, с. 252].

В поэтическом тексте Бродского в силу вступают свободные звуковые ассоциации, игра гласными и согласными, аллитерация и ассонанс (Авраам / храм). Звукопись усиливается перечислительными рядами — *храм, холмы, хворост, куст, ветви* — и дополняется раздумчивой интонацией риторического вопроса.

3. Копельман определила фрагмент об именах Исаака и Авраама как «Отступление первое» [Копельман, 2015, с. 236]. Однако нам представляется, что в восприятии стихотворения Бродского должна быть избрана иная точка отсчета; о моделях фокализации см.: [Власова, 2020]. На наш взгляд, ею становится не Библия как таковая, не «древний сюжет» Авраама и Исаака, а рефлексии лирического персонажа по поводу великой ветхозаветной истории. Герой Бродского пространственно не помещен (не погружен) в историческое прошлое, он изначально пребывает в дне сегодняшнем, история святого жертвоприношения становится лишь предметом его размышлений — не изображения, а осмысления. Историческое библейское пространство делокализуется.

Фактически Бродский выстраивает сюжет как последовательное *чтение лирическим героем* текста Ветхого Завета. Короткие «цитатные» фрагменты, соответствующие священному претексту:

«Идем же, Исаак». — «Сейчас иду».

«Идем быстрее». — Но медлит тот с ответом.

«Чего ты там застрял?» — «Постой». — «Я жду» [Бродский, 1998, с. 252].

— чередуются со значительно большими по объему размышлениями персонажа-повествователя по поводу прочитанного.

Искать «отступления» от библейского сюжета в тексте Бродского необходимости нет — его герой современен (от первых строк до последних). Другое дело, что критиками план отображения в стихотворении был воспринят произвольно, с иного ракурса — Бродский предпринимает не освещение событий Библии, не размышляет о прошлом в апелляции к современности, но наоборот — вектор его размышлений из современности погружается в далекое прошлое. Герой-повествователь Бродского — наш современник, что подтвердит и финальная часть стихотворения (образ героя-поэта, однако об этом позже). Теперь же важно признать: никакой «перетасованности» и изложения «вперемешку» у Бродского нет, сюжетная канва не двоится, не множится, но при верном восприятии выстраивает единую сюжетную канву и сохраняет свою стройность и последовательность от начала до конца.

В таком контексте жанровое определение «Исаака и Авраама» как *стихотворения* действительно должно быть признано более точным, нежели *поэма*. Субъективный ракурс наррации адекватно соответствует лирическому оформлению текста как стихотворения. За текстуальными границами стихотворения вырисовывается картина чтения лирическим персонажем святой истории и желание проникнуть в ее неэксплицированные пласты.

Подобное сюжетно-композиционное строение объясняет, почему герой-нарратор «пропускает» отдельные сюжетные ходы ветхозаветной истории: он не воспроизводит последовательно текст книги Бытия, не перекладывает его на современный лад, но останавливается лишь на тех моментах, которые порождают реакцию в сознании лирического субъекта.

Так, из поля зрения героя Бродского выпадают три дня пути библейских персонажей:

Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всеожожения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог (Быт. 22: 3).

Элиминации подвергаются четко обозначенные библейские детали — ни упоминания о сборах, ни вида осла или отроков не возникает в тексте Бродского. Между тем затекстовая в Библии тяжесть трехдневного пути героев перенесена поэтом на последний — четвертый — день и предстает в виде длинного, долго длящегося, со множеством привнесенных деталей фрагмента о пути Авраама и Исаака по пустыне.

В пустыне Исаак и Авраам
четвертый день пешком к пустому месту
идут одни по всем пустым холмам,
что зыблются сродни (под ними) тесту.
Но то песок. Один густой песок.
И в нем трава (коснись — обрежешь палец),
чей корень — если б был — давно иссох.
Она бредет с песком, трава-скиталец.
Ее ростки имеют бледный цвет.
И то сказать — откуда брать ей соки?
В ней, как в песке, ни капли влаги нет (и т. д.) [Бродский, 1998, с. 253].

Изображение трудного — физически и психологически — пути героев сопровождается у Бродского обильным нагнетанием зрительных образов, сопутствующих представлению о безграничном пространстве пустыни: лу-

стое место, пустые холмы, зыбь песков, один густой песок, простор пустыни, лишенная корней трава-скиталец, ни капли влаги нет, кругом песок, холмы песка², моря песка, пустынный свод небес и т. д. Поэт долго, намеренно долго, настойчиво долго выписывает картину пустынной пустоты, охватывающей собою твердь земли, холмы [песка], море [песка], небо, «справа, слева, сзади, всюду» [Бродский, 1998, с. 253]. Поэт размыкает пределы паремического оборота *море песка*, давая субстантиву свободу, тем самым вводя в пространство пустыни образ обретшего самостоятельность и зримость моря, берегов, прибрежной песочной кромки, «пенной ленты» [Бродский, 1998, с. 253]. Художник стирает границы между твердью, водой и воздухом, достигая ощущения всепроникаемости вселенских сущностей, порождая представление о до-историческом, до-мирном хаосе, предвещающем Божественное творение, словно бы предшествующем рождению главного.

3.3. Образная система стихотворения

Следующий выделенный пробелом фрагмент-строфа — тот, в котором вводится маркер личности повествователя: «Еще я помню: есть одна гора...» [Бродский, 1998, с. 254]. С одной стороны, он действительно кажется «лирическим отступлением», где ранее неперсонифицированный повествователь обретает свое грамматически контурированное я, и тем самым обретает право голоса, собственных воспоминаний и впечатлений. Но, с другой стороны, после картины безбрежия пустынного хаоса этот «вставной» эпизод, спроецированный на древний сюжет, воспринимается как образ-мираж усталых, измученных трудной дорогой путников. Одновременно он поддерживает ранее означенный (проступающий в тексте) мотив бесконечности посредством введения в наррацию цифры восемь, любимой Бродским «формулы» $8 = \infty$ (о личностной интерпретации чисел см.: [Федяева, 2019]), на «математическом» уровне еще раз подчеркивая беспредельность пространства, в котором оказываются герои.

В пустынно-пустом доисторическом небытии Бродский выделяет только фигуры Авраама и Исаака, заставляя осознать, что история судеб персонажей эксплицирует акт миротворения, будущности рождения (или опасности нерождения) двенадцати колен израилевых.

Между тем Бродский (и его лирический герой) сконцентрирован не столько на древней истории еврейского народа (как полагают З. Копельман и З. Бар-Селла), даже не столько на самой библейской истории жертвоприношения и святой веры Авраама, сколько на отражении этих событий в сознании лирического героя — акцент сделан на взаимоотношениях отца и сына. Повествователь Бродского, как было сказано, герой, воспринимающий историю Авраама с позиции субъекта современности, проецирует историю праотца и прасына на современность, в том числе ментально и на себя. Точнее,

воспринимает ее *через* себя, через собственное видение и понимание имени, образа, судьбы, символики фигур Авраама и Исаака. Погруженный в процесс чтения Библии герой-нарратор домысливает священный текст и наделяет его персонажей чувствами и эмоциями, которые купированы в книге Бытия. Автор опосредует их образы психологическими нюансами, психологизирует персонажей, даже отчасти меняет их поведенческие интенции.

В книге Бытия общение Авраама и Исаака во время пути следования передано сдержанно:

И взял Авраам дрова для всеожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе (Быт. 22: 6).

Бродский же вводит в текст детали, которые измышлены им самим, и прежде всего это упоминание олицетворенного символического куста — знака приближения к цели пути, к тому месту, где будет разожжен священный жертвенник. Чтобы передать тревогу и опасения Авраама, Бродский моделирует ситуацию, когда персонаж замечает куст («Внезапно Авраам увидел куст...» [Бродский, 1998, с. 254]), слышит его слова («Здесь недалеко», с. 254), но принимает вид, что не услышал слов предупреждения («не подал вида и шагнул во тьму» [Бродский, 1998, с. 255]), чтобы не обратить внимание Исаака на куст, чтобы предназначенный жертве сын не встревожился приближением смерти («Исаак не видел знака» [Бродский, 1998, с. 255]). Бродский, у которого были довольно сложные отношения с отцом, наделяет непрописанный и неразвернутый в Библии персонаж-образ живой человеческой эмоцией. Его Авраам наполняется чувством, приближается к пониманию рефлексии героя-реципиента.

Однако еще более живым и глубоким у Бродского предстает образ Исаака. В Библии, согласно комментариям отцов церкви, Исаак юн, ему не более 15 лет. Между тем у Бродского (согласно речевой характеристике персонажа) герой явно старше, опытнее, наблюдательнее. Стилистически, вслед за книгой Бытия, лишенный возможности пространных высказываний, у Бродского он оказывается наделенным словом — но, ради соблюдения духа Библии, словом или словами, которые *за Исаака* произносит лирический герой-нарратор. Образ Исаака и героя-повествователя в какой-то момент сближаются, сливаются, совмещаются, уравнивая ментальные границы героя и лирического субъекта, тем самым предоставляя право голоса Исааку посредством зоны голоса лирического повествователя.

Поэтическая символика, эксплицированная в тексте стихотворения Бродского, связывает образ Исаака со свечой. Сравнение «человек = свеча» до известной степени прототипично и даже традиционно. Метафора хоро-

шо знакома по Библии, но легко вычитывается и во многих художественных произведениях (как ближайший пример — у родственной Бродскому А. Ахматовой). Однако поэт дополняет вполне знакомый образ-символ новыми оттенками, наделяет новыми коннотациями, которые особенно выразительно проявляются на фоне метафоры «Авраам — куст».

Образ «Авраам — куст» появляется в стихотворении уже в самом его начале, в рассуждении лирического субъекта «Совсем иное дело — Авраам...» [Бродский, 1998, с. 252]. Между тем, когда повествование в стихотворении подходит к осмыслению-фантазии образно-филологической сущности куста, у исследователей появляется немедленная и видимая ассоциация — к Неопалимой купине [Ранчин, 1997, с. 154—155]. Библия как источник образно-сюжетной основы стихотворения неизбежно подталкивает к этой проекции, задает инерцию восприятия.

Отдельные исследователи находят праисток образа куста Бродского в творчестве М. Цветаевой, в ее стихотворном диптихе «Куст». А. Ранчин пишет об этом: «Родство куста и креста заложено уже у Цветаевой: “полная чаша куста” в первом из стихотворений диптиха отсылает к символу литургической чаши; во втором стихотворении куст предстает воплощением глубинного бытийного смысла <...>» [Ранчин, 1997, с. 155].

В целом принимая выдвинутое сопоставление, заметим, однако, что у Бродского внутренняя семантика образа куста много сложнее, «кустистее», она собственно «бродская».

По Бродскому, Авраам — куст. И хотя к «скрытому» монологу Исаака подталкивает обычный куст, встреченный героем на пути в пустыне, однако глубинное наполнение образа-символа раскрывается именно через образ Авраама.

Некоторые исследователи полагают, что Исаак у Бродского «не знает ничего» о собственной судьбе, о выборе жертвенного агнца, что единственный «его путь — путь постижения» [Измайлов, 2008, с. 164—165]. Христианская доктрина (собственно Библия) умалчивает о факте *знания* или *незнания* Исаака — различные интерпретаторы, особенно художники, пред(по)лагают различные варианты (ср. живописные работы Тициана «Жертвоприношение Авраама», Караваджо «Жертвоприношение Исаака», Рембрандта «Жертвоприношение Авраамом Исаака», Луки Джордано «Жертвоприношение Исаака», А. Лосенко «Жертвоприношение Авраама» и др.). Что же касается Бродского, то его Исаак не только знает, но и глубоко осмысляет содержание Божеского повеления.

Первоначально кажется, что лирический субъект смотрит на куст, как на слово, воспринимает его визуально, художнически, кажется, будто графические зрительные впечатления доминируют.

По сути дела, куст похож на все.
На тень шатра, на грозный взрыв, на ризу,
на дельты рек, на луч, на колесо —
но только ось его придется книзу.
С ладонью сходен, сходен с плотью всей.
При беглом взгляде ленты вен мелькают.
С народом сходен — весь его рассей,
но он со свистом вновь свой ряд смыкает.
С ладонью сходен, сходен с сотней рук [Бродский, 1998, с. 255].

Но постепенно в сравнительный ряд встраиваются образы, понятия, категории, выходящие далеко за пределы зрительных геометрий — в едином ряду оказываются *народ, гнездо, птенцы, плоть, кровь, душа*. Потому далее в тексте звучит уже бытийно-онтологическое обобщение:

колеблет ветер здесь не темный куст,
но жизни вид, по всей земле прохожий.
Не только облик (чувств) — должно быть, весь
огромный мир <...> [Бродский, 1998, с. 256].

За образом куста встает *жизни вид*. И если вспомнить, что приводимый внутренний монолог произносит лирический герой-повествователь, но выступающий *голосом Исаака*, то становится понятным, насколько глубоким осознанием роли отца, Авраама, и собственной жертвы наделен Исаак Бродского.

В понимании юного (но, как ясно, не подросткового возраста) героя Авраам-куст — это куст народа, куст племен-родов, это рука и сотни рук, это кровь (на)рода, кровеносные сосуды племен — корень всех корней. В прозренческом представлении сына, отец Авраам — куст (корень) израилева рода, начало всех начал, исток еще не сотворенного из хаоса мироздания, исток животворения. «По сути дела, куст похож на все...» — «В нем сами буквы больше слова, шире...» [Бродский, 1998, с. 256].

Бродский подводит героя-протагониста к пониманию и объяснению — к сыновнему *оправданию* — решимости, выбора и поступка Авраама, Авраама-отца. Каноническая библейская идея бесконечной веры во Всевышнего и идея беспредельной любви к Нему для героя-сына в тексте Бродского отступает на задний план. Юный герой Бродского не просто покоряется отцу, всецело доверяет ему, но *понимает* роль отца-куста, даже *Отца-куста*. И, как следствие, герой-жертва осознает и принимает собственную роль-участь в предстоящем святом приношении.

Как подтверждение слияния двух голосов — Исаака и лирического героя — в структурно-композиционном оформлении размышлений персонажа / персонажей о кусте отсутствуют ранее означенные пробелы, чередующие голос Библии и современного субъекта. Наоборот, в «двухголосом» размышлении героя(-ев) о кусте Бродский смыкает заковыченные «цитаты» из Библии (лаконичные реплики мини-диалога библейских персонажей) с незаковыченными словами-суждениями лирического субъекта-повествователя. Живость и горячность эмоционального переживания Исааком мыслей о кусте сопровождаются выделенным в скобках авторским уточнением — «Внутри него [Исаака] горячий пар скопился. / Он на ходу поднес кувшин ко рту...» [Бродский, 1998, с. 256]. Очевидно, что за заковыченными (кажется, сюжетно-нарративными) словами-мыслями о кусте-Аврааме стоит именно Исаак.

Образы Авраама-куста и Исаака-свечи объединены в образе весеннего куста: «Весною в *нем* повсюду *свечи, свечи*» [Бродский, 1998, с. 255]. Исаак — одна из ветвей куста, одно из соцветий-свечей на весенней ветви куста. И этот образный ряд поддерживается и развивается Бродским: образу Авраама сопутствуют образы листьев, веток, сучьев, сухих ветвей (хвороста), Исааку — образы искр, света, звезд, пламени.

В этом многообразном смешении судьба Исаака предстает сходной с судьбами других «мертвых» веток-сыновей («пук хвороста»). Неподалеку от жертвенника героя посещают мысли о смерти:

Отломленные ветви мертвым сном
почили здесь — в песке нагретом, светлом.
Но им еще придется стать огнем,
а вслед за этим новой плотью — пеплом [Бродский, 1998, с. 257].

В события предстоящего жертвоприношения Бродский вводит еще одну отсутствующую в тексте Библии деталь, вызвавшую негодование критики: «Авраам несет еще и мех / с густым вином» [Бродский, 1998, с. 254]. Так, Л. Альтмарк пишет: история Авраама и Исаака «сопровождается почему-то испитием принесённого с собой вина, приземляющего образ прародителя Авраама до банального российского выпивохи, сумевшего изречь сие, лишь «отерши рот коротким жестом пьяниц». Можно, на мой взгляд, придумать объяснение или оправдание всему, что делают герои, но эта деталь для библейских персонажей явно избыточна...» [Альтмарк, 2015].

Между тем Л. Альтмарк ошибается. В тексте Бродского вино пьет не Авраам, а Исаак («Ну, ладно, хочешь выпить?») [Бродский, 1998, с. 258]. Еще точнее, по Бродскому, отец из мехов вливает вино в горло сына:

И вот уж Авраам сжимает мех
своей рукой, и влага льется в горло;
глаза же Исаака смотрят вверх [Бродский, 1998, с. 258].

Все детали предельно точны, все стоят на своих местах. Причем этот «избыточный» (по Л. Альтмарку) жест имеет у Бродского осознанную психологическую мотивацию: страдающий отец («В глазах отца янтарь...» [Бродский, 1998, с. 258]) хочет пригасить сознание сына, чтобы последующие события не запечатлелись в его разуме и сердце:

Уж начало тепло склонять ко сну <...>
Все ближе сонный царь подходит к Исааку <...>
Не спит лишь Авраам [Бродский, 1998, с. 258].

Прежние мысли-думы Исаака о кусте (Аврааме-кусте), ранее проговоренные в один голос с лирическим героем, теперь попадают в сон героя и получают развитие:

В глубоком сне, во тьме, в сплошной тиши,
сгибаются, мелькают, ввысь стремятся.
И вот пред ним иголку куст вознес.
Он видит дальше: там, где смутно, мглисто
тот хворост, что он сам сюда принес,
срастается с живою веткой быстро.
И ветви все длинней, длинней, длинней,
к его лицу листва все ближе, ближе.
Земля блестит, и пышный куст над ней
возносится пред ним во тьму все выше [Бродский, 1998, с. 259].

Герой-искра, герой-пламя, герой-свеча во сне возносится на небеса, превращаясь в звезду.

Земля блестит — и он плывет над ней.
Горит звезда... [Бродский, 1998, с. 259].

Даже знаки препинания работают в тексте Бродского. Завершающая сон Исаака фраза «Горит звезда...» дана не в перечислительном ряду небесных светил, не через запятую, но через точку — после точки уже как самостоятельная сущность, оторвавшаяся от жертвенного костра искра, превратившаяся в небесную звезду.

Некоторые исследователи, размышляя об истоках создания Бродским «Исаака и Авраама», говорили об экфрастических связях стихотворения с живописными полотнами, в частности с картиной Рембрандта «Жертвоприношение Авраама», см., например: [Лосев, 2008, с. 136—137]. Несомненно, не признать знакомства Бродского с работой Рембрандта, входящей в коллекцию Эрмитажа, нельзя. Однако — особенно в сопоставлении с живописным изображением сцены Рембрандтом — видно, насколько гуманнее и сострадательнее, в итоге психологичнее изображает Бродский своих героев.

У Бродского Авраам, «связавши тело» спящего Исаака (в подобие буквы С),

его понес туда, откуда след
протоптан был сюда, где пламя тлело.
Весь хворост был туда давно снесен,
и Исаака он на это ложе
сложил сейчас <...> [Бродский, 1998, с. 259].

Все жертвенные приготовления Авраам Бродского произвел в то время, пока сын спал (подготовка жертвенника, разложение хвороста, связывание жертвы, перенесение ее на священное место и др.), щадя сыновний взор и сердце. Более того, и в момент появления ангела Исаак еще спит — точнее «Исаак почти разбужен» [Бродский, 1998, с. 261].

В отличие от трактовки Рембрандта (и других живописцев) Бродский акцентирует в Аврааме не мастерские навыки овцевода и торговца мясом (запрокинутая и удерживаемая рукой голова Исаака на полотне Рембрандта), но страдание и мучения отца, горячо любящего своего должного сына, единственного законного наследника, должного быть преданным жертвенному огню.

Еще один упрек, адресованный Бродскому Л. Альтмарком, — «словесный водопад», «путаное и мутное многословие» ангела, известившего Авраама о воле Всевышнего: «<...> из-за бархана появляется Ангел, который вместо того, чтобы просто отвести руку с занесённым ножом, заводит длинный и довольно нравоучительный монолог...» [Альтмарк, 2015].

Однако напомним, что, на наш взгляд, сюжетная линия стихотворения Бродского не воспроизводит сюжет библейской истории, лишь порождает отклик лирического субъекта, прочитавшего, перелистывающего Библию и размышляющего над ней. Потому стилистически-библейской репликой ангела следует считать лаконично короткую: «Довольно, Авраам» [Брод-

ский, 1998, с. 260], тогда как последующий монолог не «нравоучителен», но проективен.

В завершение библейской истории ангел у Бродского почти дословно воспроизводит слова, точнее мираж, виденный героями ранее в пустыне, но теперь обретающий суплементарный смысл («Еще я помню: есть одна гора...») [Бродский, 1998, с. 254, 260]. Если ранее образ прекрасного сада представлял пустынным видением измученных долгим и трудным путем персонажей, то теперь он репрезентирует образ будущего, которое ждет еще не рожденных детей Авраама, число которых «с числом песка сравнится» [Бродский, 1998, с. 260].

В густой траве шумит волной ручей,
и пар в ночи растет по форме русла.
Пойдем туда, где все кусты молчат.
Где нет сухих ветвей, где птицы свили
гнездо из трав. А ветви, что торчат
порой в кострах — так то с кустов, живые <...> [Бродский, 1998,
с. 261].

Повторение образа-фрагмента «Еще я помню: есть одна гора...» создает кольцевое обрамление библейской части стихотворения и словно завершает знакомство лирического субъекта с текстом «Жертвоприношения Авраама», будто бы указывает на момент закрытия им Священной книги.

3.4. Расширение хронотопа библейской истории

Однако мысли лирического героя стихотворения не останавливаются, не иссякают, что воспринимается еще одним доказательством не-прямой зависимости Бродского от претекста. Уже вне событийного поля «Жертвоприношения Авраама» (Быт. 22: 1—19) Бродский в продолжение истории колен израилевых точно, лаконично апеллирует к следующим главам Бытия (Быт. 25—27), где вернувшийся домой Исаак повзрослел и женился на Ревекке.

Он вдаль глядит: пред ним шатры лежат,
идет народ, с востока туча идет.
Вокруг костров, как в танце, псы кружат,
шумят кусты, и вот бугор он видит.
Стоит жена, за ней шатры, поля.
В ее руке — зеленой смоквы ветка.
Она ей машет и зовет царя:
«Идем же, Исаак». — «Идем, Ревекка» [Бродский, 1998, с. 263].

В воображении лирического персонажа Бродского случайный оклик Ревекки «Идем же, Исаак» пробуждает в нем воспоминание о давно пережитом, и момент воспоминания отмечен в тексте очередным фрагментом-повтором, обнаруживающим глубокий отпечаток, отложившийся в памяти пережившего давние события Исаака. Трагическая составляющая былых обстоятельств сохраняется в сознании персонажа, не позволяя ему забыть *прошедшее* и знаменуя собой судьбу народа в *будущем*.

«Объяло пламя все суставы „К“
и к одинокой „А“ стремится прямо».
Но не вздымает нож ничья рука,
чтоб кончить муку, нет вблизи Абрама.
Пол-имени еще в устах торчит.
Другую половину пламя прячет.

И СновА жертвА на огне Кричит:
Вот то, что «ИСААК» по-русски значит [Бродский, 1998, с. 264].

В конечных строфах стихотворения Бродского нарративный ракурс смещается: теперь не Исаак присоединяется к мыслям лирического героя, но последний примыкает к мыслям исторического персонажа, соглашаясь с суждением о новых «жертвоприношениях», о непрекращающихся жертвах — *И СновА жертвА на огне Кричит...*

Между тем свести размышление лирического субъекта Бродского до осмысления судьбы единственно еврейского народа вряд ли допустимо. Много раз повторявший, что он еврей по происхождению, но русский поэт (см.: [Лосев, 2008, с. 138]), Бродский в финале стихотворения выводит повествование за пределы Ветхого завета и позволяет спроецировать трагическое суждение о продолжающейся жертвенности на судьбу всего человечества.

На наш взгляд, именно с общечеловеческой проблематикой связан «странный» и вполне самостоятельный фрагмент, поставивший в тупик многих критиков, — стихотворный пассаж о доске.

Никто не знает трещин, как доска
(любых пород — из самых прочных, лучших, —
пускай она толста, длинна, узка),
когда разлад начнется между сучьев.
В сухой доске обычно трещин тьма.
Но это все пустяк, что есть снаружи.

Зато внутри — смола сошла с ума,
внутри нее дела гораздо хуже <и т.д.> [Бродский, 1998, с. 262].

По словам Л. Лосева, «критики писали об этой доске, что она — (а) намекает на “доску” иконы, (б) гробовую доску, (в) что трещины от удара ножа в ней напоминают о попытке уничтожения евреев и о еврейском сопротивлении, (г) что на иврите слово “луах” (“доска”) означает также скрижаль завета и (д) что удар ножом в доску и есть кьеркегоровский “прыжок веры”...» [Лосев, 2008, с. 138]. Предложенные интерпретации не лишены логики и смысла, в целом они соотносимы с сюжетными центрами стихотворения Бродского, но могут быть дополнены.

Бродский создает достаточно пространственный фрагмент, который сохраняет образные ряды истории «Жертвоприношения Авраама», сфокусированные им прежде (образ куста, ножа, ветвей, сучков), но — на новом витке сюжетного развития — привносит в рассуждения героя обобщающую мысль — о подневольности ножа, шире о не-свободе человека.

Вонзаешь нож (надрез едва ль глубок)
и чувствуешь, что он уж в чей-то власти.
Доска его упорно тянет вбок
и колется внезапно на две части.
А если ей удастся той же тьмой
и сучья скрыть, то бедный нож невольно,
до этих пор всегда такой прямой,
вдруг быстро начинает резать волны [Бродский, 1998, с. 262].

Мысль о «проверке» — о соотношении собственной и чужой воли — продолжает терзать героя, отчасти исторического Исаака, отчасти героя современного.

Возникающий в финале стихотворения я-персонализированный образ лирического субъекта, по всей видимости, поэта, среди ночи при свече испи-сывающего чистые листы бумаги («Горит свеча, и виден край листа») [Бродский, 1998, с. 265]), позволяет выйти на образ alter ego автора и связать воедино пласты прошлого и настоящего, условно — истории Исаака и Иосифа. Неслучайно заключительный городской пейзаж, закрывающий повествовательный план стихотворения, очень похож на атмосферу Города, созданного Бродским в поэме «Шествие» (1961), см.: [Богданова, 2022, с. 258—281].

Дождь хлещет непрестанно. Все блестит.
Завеса подворотни, окна косит,

по желобу свергаясь вниз, свистит.
Намокшие углы дома возносятся.
Горит свеча всего в одном окне.
Холодный дождь стучит по тонкой раме.
Как будто под водой, на самом дне
трепещет в темноте и жжется пламя.
Оно горит, хоть все к тому, чтоб свет
угас бы здесь, чтоб стал незрим, бесплотен.
Здесь в темноте нигде прохожих нет,
кирпич стены молчит в стене напротив.
Двор заперт, дворник запил, ночь пуста [Бродский, 1998, с. 265].

Лирический я-герой стихотворения «Исаак и Авраам», alter ego автора, встраивается в единую цепь героев и событий прошлого и настоящего, мыслится одной из свечей куста-Авраама, о котором шла речь выше. Инвариантный оборот «Горит свеча...» встречается в финальной — «современной» — части стихотворения пять раз, в других вариантах с корнем *гор-* и *свет/-* амплификация доведена до десяти раз. При этом, как это нередко бывает у Бродского, его герой-субъект по сожжению свечи не ждет звездного преображения (подобно Исааку: «Горит звезда...»), но видится самому себе пока еще летним листом, но в уже пустеющем осеннем лесу.

<...> Но сам язык свечи,
забыв о том, что можно звать спасеньем,
дрожит над ней и ждет конца в ночи,
как летний лист в пустом лесу осеннем [Бродский, 1998, с. 265].

«Сезонная» символика (лето → осень) усиливает трагические ноты повествования. Образ леса поддерживает метафору мировой литературы *человек — дерево, человечество — обширный лес*. Лист — малая и самая незначительная часть древесной кроны (весьма характерный для поэзии Бродского ракурс автопрезентации).

Заметим, о «спасении» листа-человека (как полагает Р. Измайлов [Измайлов, 2008, с. 166]) у Бродского речи не идет. Как не идет речи и о грехе, об «онтологической греховности» (как предположил Л. Лосев [Лосев, 2008, с. 138]). В рамках повествования Бродский эксплицирует интерес к истории Авраама и Исаака в иной перспективе. Ценностную установку героя формирует проблема свободы / несвободы — не политической, не социальной, не гражданской, не этнической, но свободы духовной, сво-

боды выбора, воли личностной и / или Божественной. И разрешение дилеммы выбора у Бродского (в отличие от ветхозаветной интерпретации) аксиологически не однозначно, не абсолютно.

В финальном фрагменте стихотворения в мыслях современного героя-поэта путь исторических Авраама и Исаака уже трансформируется и разрастается до *пути* экзистенциального настоящего — образа стремительно мчащегося «бесшумного поезда» [Бродский, 1998, с. 265], который становится символом-синонимом человеческой жизни, пронизывающим вечность (вновь возникает образ восьмерки-бесконечности, сквозного образа-символа поэзии Бродского). Образ 8 мыслью-осью лирического героя условно рассекается на части, порождая еще один характерный для Бродского образ — холмов и равнин, гор и низин. Холмы, как известно, — самобытный и традиционный образ *жизни* у Бродского. Порожденная историческим материалом идея воли-неволи переносится Бродским в современность.

Словно возвращаясь к истории Исаака и Авраама, кольцеобразно завершая «перелистывание» Библии, лирический герой Бродского смыкает образы истории и современности, прошлого и настоящего (пустыни, моря, пути, железнодорожных рельсов, города, каменных домов, деревьев, кустов, городского парка, пламени костра, свечей на столе, подсвечника и др.), на оксюморонном уровне продуцируя мысль о том, что «В тени стволов ясней видна земля...» [Бродский, 1998, с. 264]. Трагическая и одновременно счастливая история Авраама и Исаака заставляет героя Бродского взглянуть на судьбу человечества, на законы выбора людей, на отношения отцов и детей (отцов и сыновей) сквозь темноту про(изо)шедшего — на фоне тени различить свет (Свет). Ветхозаветная история «Жертвоприношения Авраама» не вполне канонически, но поэтически служит у Бродского проекцией к Новому завету, отсылает к идее жертвенности Отца и Сына, Иисуса Христа, становится рефлексией не только в отношении судьбы древнееврейского народа, но и всего народа христианского.

4. Заключение = Conclusions

Прав Л. Альтмарк, когда утверждает, что описать историю Авраама и Исаака «лучше, чем это изложено в Библии, вряд ли возможно» [Альтмарк, 2015]. Однако если взглянуть на текст Бродского как на «большое стихотворение», организованное не непосредственной апелляцией к тексту книги Бытия (не как на «описание»), и дезавуировать образ лирического героя-поэта, в ночи над листом чистой бумаги осмысляющего ветхозаветную историю, то сложность в восприятии идеи и композиции произведения

исчезает, красота и стройность стихотворения выходит на передний план. Даже Л. Лосев, хорошо знавший и понимавший Бродского, писал: «... стих Бродского в “Исааке и Аврааме” местами <...> переусложнен <...> словесно автор не вполне справляется с нахлынувшим на него визионерским потоком» [Лосев, 2008, с. 139]. Однако, с нашей точки зрения, «хаотичность», «выборочность», «фрагментарность», «переусложненность» стихотворения Бродского обретают художественную простоту и ясность, если сменить перспективу, встать на иную позицию текстовосприятия — оттолкнуться от образа героя-повествователя, alter ego автора, обусловившего *собственной мыслью* композиционную логику стихотворения. Следует признать доминанту мысли лирического субъекта, не погруженного в реальность исторической древности, но пытающегося из сегодняшнего дня осмыслить сакральный текст и на его почве постичь себя, проникнуть в темное прошлое с целью яснее понять настоящее. Осознать проблему *я и о(О)тец, выбор мой и е(Е)го*.

Дедикативная отсылка к «М. Б.», удивляющая в рамках не-любовного текста, становится знаком готовности нарратора поделиться вызревшими размышлениями с возлюбленной, единомышленником и современницей.

Можно было бы продолжить анализ стихотворения Бродского в плане интертекстуальных и интермедитативных влияний, в частности в связи с воздействием на молодого поэта идей Сёрена Кьеркегора, однако этот вопрос отчасти уже рассматривался исследователями. О тенденции интересубъектного диалога с Кьеркегором писали Л. Лосев [Лосев, 2008], В. Полухина [Полухина, 2009], Р. Измайлов [Измайлов, 2008], философской сущности литературных влияний касались Г. Кружков [Кружков, 2022] и А. Сергеев [Сергеев, 1997], проблемам метафизики Бродского посвящена докторская диссертация И. Плехановой [Плеханова, 2002]. Этот интерпретационный дискурс может составить ядро дальнейших научных изысканий, связанных с осмыслением стихотворения «Исаак и Авраам», предпринятый же анализ структурно-композиционного выстраивания «библейского» текста Бродского должен способствовать их углублению.

Завершая анализ «большого стихотворения» Иосифа Бродского «Исаак и Авраам» (1963), можно добавить: ранний текст со всей несомненностью отразил духовные поиски молодого поэта. Однако сегодня, по прошествии времени, критика однозначно ставит «Исаака и Авраама» в число лучших произведений Бродского, не делая скидку на молодость и неопытность автора (поэту было тогда всего 23 года). Требования к «Исааку и Аврааму» предъявляются самые высокие, что позволяет признать, что у Бродского не было периода ученичества — он был рожден Поэтом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Блок А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А. Блок. — Москва : Наука, 1999. — Т. 5: Поэмы. — 342 с. — ISBN 5-02-011690-4 (т. 5).
2. *Бродский И.* Исаак и Авраам / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. 1. — С. 252—266. — ISBN 5-89803-001-8.
3. *Бродский И.* Книга интервью / И. Бродский ; сост. В. Полухина. 3-е изд. — Москва : Захаров, 2007. — 783 с. — ISBN 5-8159-0548-8.
4. *Бытие.* 22: 1—19.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Авраам / С. С. Аверинцев // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 672 с.
2. *Альтмарк Л.* Исаак, Авраам и Иосиф Бродский (2015) [Электронный ресурс] / Л. Альтмарк. — Режим доступа : <https://proza.ru/2015/08/03/515> (дата обращения 30.03.2023).
3. *Бар-Селла З.* Страх и трепет (из книги Иосиф Бродский : опыты чтения) / З. Бар-Селла // Двадцать два. — 1985. — № 41. — С. 202—213.
4. *Беркович Евг.* И эллин, и иудей: опыт синтетического интервью с Иосифом Бродским (2003) [Электронный ресурс] / Евг. Беркович. — Режим доступа : <https://berkovich-zametki.com/Nomer27/Brodsky.php> (дата обращения 28.03.2023).
5. *Богданова О. В.* В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 258—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281.
6. *Верхейл К.* Образ Христа у Бродского / К. Верхейл // И. А. Бродский: pro et contra: антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург: РХГА, 2022. — С. 311—329.
7. *Власова О. А.* «Точка зрения» в литературоведении, истории и истории философии: перспектива диалога / О. А. Власова // Научный диалог. — 2020. — № 1 (11). — С. 193—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210.
8. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. — Москва : Независимая газета, 2000. — 325 с. — ISBN 5-86712-049-X.
9. *Горбаневская Н.* По улице Бродского / Н. Горбаневская // Русская мысль. — 1996. — № 4111. — 1–7 февраля. — С. 16.
10. *Измайлов Р.* Библейский текст в творчестве Бродского: священное время и пространство / Р. Измайлов // Сибирские огни. — 2008. — № 5. — С. 164—177.
11. *Копельман З.* «Запоминать пейзажи за могилами единоверцев» : о возможном прочтении стихотворения Бродского «Исаак и Авраам» / З. Копельман // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. — Москва : Дом еврейской книги, 2015. — С. 234—250.

12. Кружков Г. «Подсвечник» И. Бродского и кое-что об «Исааке и Аврааме» / Г. Кружков // И. А. Бродский: pro et contra: антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург: РХГА, 2022. — С. 748—757.

13. Лекманов О. «Рождественская звезда»: текст и подтекст / О. Лекманов // И. А. Бродский: pro et contra: антология / сост. О. Богданова, А. Степанов. — Санкт-Петербург: РХГА, 2022. — С. 270—274.

14. Лосев Л. Иосиф Бродский : опыт литературной биографии / Л. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 447 с. — ISBN 978-5-235-03089-3.

15. Мищенко Е. В. Библейская тема в лирике Иосифа Бродского / Е. В. Мищенко // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 1. — С. 59—63.

16. Плеханова И. И. Преобразование трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : диссертация ... доктора филологических наук / И. И. Плеханова. — Иркутск, 2002. — 429 с.

17. Полухина В. Больше самого себя : о Бродском / В. Полухина. — Томск : ИД СК-С, 2009. — 416 с. — ISBN 978-5-904255-07-7.

18. Полухина В. Иосиф Бродский : жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. — Санкт-Петербург : Звезда, 2008. — 526 с. — ISBN 978-5-7439-0129-6.

19. Ранчин А. «Человек есть испытатель боли...» : религиозно-философские мотивы поэзии Бродского и экзистенциализм / А. Ранчин // Октябрь. — 1997. — № 1. — С. 154—168.

20. Сергеев А. Я. Omnibus / А. Я. Сергеев. — Москва : Новое литературное обозрение, 1997. — 536 с. — ISBN 5-86793-027-0.

21. Тихонов А. Н. Словарь русских личных имен / А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рыжкова. — Москва : Школа-Пресс, 1995. — 736 с. — ISBN 5-88527-108-9.

22. Федяева Е. В. Личностные доминанты как вектор процесса языковой интерпретации количества / Е. В. Федяева // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 169—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-169-182.

23. Betea D. Joseph Brodsky and the Criation of Exile / D. Betea. — Princeton : Legacy Library, 1994. — 317 p. — ISBN 0-691-06773-2.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.

Material resources

Blok, A. (1999). *Complete Works and Letters, 5: Poems*. Moscow: Nauka. 342 p. ISBN 5-02-011690-4. (In Russ.).

Brodsky, I. (1998). Isaac and Abraham. In: *The works of Joseph Brodsky: in 7 vols*. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 1: 252—266. ISBN 5-89803-001-8. (In Russ.).

Brodsky, I. (2007). *Book of interviews*. Moscow: Zakharov. 783 p. ISBN 5-8159-0548-8. (In Russ.).

Bytie. 22: 1—19.

References

Altmark, L. (2015). *Isaac, Abraham and Joseph Brodsky*. Available at: <https://proza.ru/2015/08/03/515> (accessed 30.03.2023). (In Russ.).

- Averintsev, S. S. (1990). Abraham. In: Meletinsky, E. M. (ed.). *Mythological Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 672 p. (In Russ.).
- Bar-Sella, Z. (1985). Fear and Trembling (from the book of Joseph Brodsky: Reading Experiences). *Twenty-two*, 41: 202—213. (In Russ.).
- Berkovich, Evg. (2003). *Both Greeks and Jews: the experience of a synthetic interview with Joseph Brodsky*. Available at: <https://berkovich-zametki.com/Nomer27/Brodsky.php> (accessed 28.03.2023). (In Russ.).
- Betea, D. (1994). *Joseph Brodsky and the Criation of Exile*. Princeton: Legacy Library. 317 p. ISBN 0-691-06773-2.
- Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). In Search of Self-Knowledge (Intertext of I. Brodsky's Poem "The Procession"). *Nauchnyi dialog*, 11(2): 258—281. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281. (In Russ.).
- Fedyaeva, E. V. (2019). Individual's Dominants as Vector of Language Interpretation of Quantity. *Nauchnyi dialog*, 5: 169—182. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-169-182. (In Russ.).
- Gorbanevskaya, N. (1996). Along Brodsky Street. *Russian Thought*, 4111. February 1—7: 16. (In Russ.).
- Izmailov, R. (2008). Biblical text in Brodsky's work: sacred time and space. *Siberian fires*, 5: 164—177. (In Russ.).
- Kopelman, Z. (2015). "Remember the landscapes behind the graves of fellow believers": about a possible reading of Brodsky's poem "Isaac and Abraham". In: *Parallels. Russian-Jewish historical-literary and bibliographic almanac*. Moscow: House of Jewish Books. 234—250. (In Russ.).
- Kruzhkov, G. (2022). "Candlestick" by I. Brodsky and something about "Isaac and Abraham". In: Bogdanova, O., Stepanov, A. (eds.). *I. A. Brodsky: pro et contra: an anthology*. St. Petersburg: RKHGA. 748—757. (In Russ.).
- Lekmanov, O. (2022). "Christmas Star": text and subtext. In: Bogdanova, O., Stepanov, A. (eds.). *I. A. Brodsky: pro et contra: an anthology*. St. Petersburg: RKhGA. 270—274. (In Russ.).
- Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. The experience of literary biography*. Moscow: Molodaya gvardiya. 447 p. ISBN 978-5-235-03089-3. (In Russ.).
- Mishchenko, E. V. (2008). Biblical theme in the lyrics of Joseph Brodsky. *Siberian Journal of Philology*, 1. 59—63. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (). *Transformation of the tragic: the metaphysical mystery of Joseph Brodsky*. Doc. Diss. Irkutsk, 2002. 429 p.
- Polukhina, V. (2008). *Joseph Brodsky: life, works, era*. St. Petersburg: Zvezda. 526 p. ISBN 978-5-7439-0129-6. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2009). *More than myself: about Brodsk*. Tomsk: ID SK-S. 416 p. ISBN 978-5-904255-07-7. (In Russ.).
- Ranchin, A. (1997). "Man is a pain tester ...": religious and philosophical motives of Brodsky's poetry and existentialism. *October*, 1: 154—168.
- Sergeev, A. Ya. (1997). *Omnibus*. Moscow: New Literary Review. 536 p. ISBN 5-86793-027-0. (In Russ.).
- Tikhonov, A. N., Boyarinova, L. Z., Ryzhkova, A. G. (1995). *Dictionary of Russian personal names*. Moscow: Shkola-Press. 736 p. ISBN 5-88527-108-9. (In Russ.).
- Verheil, K. (2022). Image of Christ by Brodsky. In: Bogdanova, O., Stepanov, A. (eds.). *I. A. Brodsky: pro et contra: an anthology*. St. Petersburg: RKhGA. 311—329. (In Russ.).

- Vlasova, O. A. (2020). “Point of View” in Literary Criticism, History and History of Philosophy: Perspective of Dialogue. *Nauchnyi dialog*, 11: 193—210. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-193-210. (In Russ.).
- Volkov, S. (2000). *Dialogues with Joseph Brodsky*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 325 p. ISBN 5-86712-049-X. (In Russ.).

*The article was submitted 28.10.2022;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*